

На автобусной остановке была свидетелем сцены: маленькая девочка – купол куртки да пипканос – и ее мама провожают кого-то третьего; когда подходит автобус и этот кто-то шагает к раскрытым дверям, девочка кричит пронзительно ему в спину: «Береги себя!» Она еще не знает, от чего именно нужно себя беречь, не понимает слов, но наставляет так искренне и громко, что я на нее оборачиваюсь.

В марте 54 года назад Ардов и Бродский брели по кладбищу в Павловске, искали место для могилы Ахматовой. Узкая дорожка между могилами привела к забору, а там стояла сосна – рослая, стройная.

– Ну, – сказал Ардов, – вот тут, пожалуй, можно было бы... Но нет, не пойдет. У Пастернака три сосны, а у нас будет только одна...

Бродский грустно усмехнулся тогда:

– Ей бы эта шутка понравилась...

Они побрели прочь от павловского кладбища, и вдруг их осенило – ведь Ахматова сама указала место в своем «Приморском сонете»:

*И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.*

Ардов и Бродский поспешили на кладбище в Комарово, и там нашлось: широкая дорожка в забор, а сзади – целый лес сосен (гораздо больше, чем в Переделкине). Стало понятно: именно здесь.

А ты уже нашел свое место? Не для могилы, под солнцем?

Уверен, что у тебя достаточно времени? Ты выходишь из квартиры в серый обычный день. И снова автобус, снова кондуктор поправляет зеленый шейный платок, у груди мальчика кажет язык волосатый терьер (ему умирать раньше всех), за окном частокол новостроек и солнце сквозь облака... Ты проделываешь все это каждый день, каждый год, не вспоминая о стихотворении Кочеткова, умоляющем прощаться на век, расставаясь на миг. И никто не напомнит тебе, что нужно беречься. А если напомнит, то ты пропустишь сей крик, пробежишь мимо, прощелкаешь в телефон.

Вспомни – июль, полдень, поезд. Поезд скоро прибудет в Сочи, ты наслаждаешься видом из окна. Там – море. Бескрайняя бирюза, корявые и строгие пирсы, одинокие купальщики и людные пляжи... Вспомни.

Кубики раздевалок.

Мелкая галька.

Белые шляпы.

Дым от мангалов.

Синие зонтики.

Красные полотенца, солнце.

Войдя в комнату, она быстро подошла к горячей печке и, заложив назад руки, стала к ней спиной. Тут мы увидели, что глаза у нее – синие. Они становились у нее такими, когда ей было хорошо.

В открытые окна рывками влетают запахи соли, йода и счастья. (Умеешь ли ты замечать мимолетное счастье?)

– Мама, я хочу купаться! – требует мальчик шести лет, он подтягивается на поручне и обнаруживает за окнами пляж.

Мама, смеясь, гладит голову мальчика.

– Скоро, малыш, скоро.

– Но я хочу на море! Давай выйдем! Давай выйдем! Море-е-е! – кричит покрасневший мальчик.

Не надо как мальчик. Береги себя, не спеши сойти с пути раньше времени.

И будет море, и еще один длинный год, и Новый год еще тоже будет – загадаешь поехать на море. Притормози.

Свой первый в Ташкенте новогодний вечер Ахматова провела в доме Козловских. Алексей Федорович, встретив ее на пороге, поцеловал обе руки и, взглянув ей в лицо, сказал: «Так вот вы какая». «Вот такая, какая есть», – ответила Анна Андреевна и слегка развела руками. Галина Козловская вспоминает: «Войдя в комнату, она быстро подошла к горячей печке и, заложив назад руки, стала к ней спиной. Тут мы увидели, что глаза у нее – синие. Они становились у нее такими, когда ей было хорошо».

Сложно думать о смерти, когда тебе хорошо.

«Какой сумасшедший Суриков Мой последний напишет путь?» – вопрошала Ахматова. А нам бы свой – для начала – осмыслить.